

№ 1 (41) ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Январь, 2016

Валдай

Международный
Дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

Джеффри Коллинз, Эндрю Фаттер

Об авторах:

Джеффри Коллинз

Факультет политологии, Карлтонский Университет, Канада

Эндрю Фаттер

Старший преподаватель по мировой политике, Факультет политологии и международных отношений, Университет Лестера; научный сотрудник Академии высшего образования Великобритании

Концепция, значение и наследие так называемой революции в военном деле (РВД) вызывают сомнение даже четверть века спустя после того, как возглавляемая США коалиция государств, благодаря широкому использованию информационных технологий, высокоточного оружия и совместной военной доктрины одержала победу над армией президента Ирака Саддама Хуссейна в ходе операции «Буря в пустыне». Хотя это и вызвало в ученых и политических кругах широкую дискуссию о воздействии современных технологий на методы и способы ведения войны¹ (о чем свидетельствуют частые упоминания в научной литературе и стратегических исследованиях 1990-х - начала 2000-х годов), эффективность концепции на фоне военных вызовов последних лет представляется неубедительной. Вторжения в Афганистан, Ирак, Ливан, сектор Газа, Мали, Ливию, недавние события на Украине, борьба с группировкой под названием ИГИЛ (запрещена в России – *прим. Ред.*) являют собой типологически разные вызовы, стоящие перед современными вооруженными силами. В результате, по мере того, как концепции традиционной, обычной войны заменялись теорией ассиметричных конфликтов и более сложными сценариями применения силы, понятие РВД из повестки дня академических и политических дебатов стало постепенно исчезать. Тем не менее основанные на ней стратегии продолжают оказывать влияние на процесс военного планирования и подготовки к будущим конфликтам. Многие военные ведомства до сих пор разгребают последствия решений, принятых в 1990-е годы под влиянием концепции РВД, и/или продолжают хотя бы частично использовать эти идеи в военном планировании.

Что такое РВД?

Несмотря на свою популярность в период 1990-х и начале 2000-х годов, сам термин «революция в военном деле», его происхождение и специфика до сих пор вызывают споры. В сущности, сама идея революции в военном деле не нова: история человечества дает множество примеров, когда модернизация военной техники или изменения военной доктрины, казалось, обуславливали громадный рывок.² Однако нынешние споры по поводу РВД возникли еще в 1970-х годах, когда США начали осуществлять переход к «полностью добровольческим» вооруженным силам, перенесли центр внимания с Юго-Восточной Азии на Европу и приняли на вооружение концепцию «воздушно-наземной операции» (1982).³ С началом разрядки в отношениях между

¹ Прекрасный обзор мнений на этот счет имеется в: Eliot Cohen, "A revolution in warfare", *Foreign Affairs*, 75:2 (1996) pp.37-54

² См.: Colin Gray, "Strategy for chaos: revolutions in military affairs and the evidence of history," (London, Frank Cass: 2002).

³ О воздушно-наземной операции см.: John L. Romjue, "The evolution of the AirLand Battle concept," *Air University Review*, 35:4 (1984) pp. 4-15.

ядерными сверхдержавами в Пентагоне пришли к выводу, что успех в гипотетической войне с СССР будет зависеть скорее от обеспечения более высокого качества военной техники и подготовки личного состава, нежели от численного превосходства. Это называлось «стратегией противовеса» (offset strategy). То, что об этом задумались как раз тогда, когда в области информтехнологий и разработки управляемого высокоточного оружия («умных бомб», которые впервые были применены на заключительном этапе войны во Вьетнаме⁴) происходили значительные перемены, не было простой случайностью. Впрочем, толчок к началу РВД дали и выполненные в 1980-х годах советские разработки, ставшие ответной реакцией на ускоренную модернизацию американской военной техники. Советские военные теоретики заговорили о «военно-технической революции» (ВТР), в ходе которой «компьютеры, космическая разведка и ракеты дальнего радиуса действия» могут создать перевес сил в пользу НАТО.⁵ В середине 1980-х годов решительным сторонником ВТР выступил начальник Генерального штаба маршал Советского Союза Николай Огарков, который задался целью преобразовать вооруженные силы СССР на основе внедрения информационных технологий.⁶ Таким образом, констатирует Дима Адамски, «...хотя техническая основа РВД закладывалась в США, ее отдаленные последствия были впервые осмыслены именно советскими, а не американскими военными теоретиками».⁷

Однако многие из этих реформ и инновационных преобразований так и остались нереализованными: в 1989 году закончилась холодная война, а двумя годами позже, в 1991-м, распался Советский Союз.⁸ Понимание того, что в способах ведения войны происходят поистине революционные перемены, выкристаллизовалось на Западе в результате победы, которую коалиция государств под руководством США одержала в войне 1991-го года в Персидском заливе.⁹ Уильям Перри писал в то время: «В ходе операции «Буря в пустыне» США впервые применили новейшие системы оружия, обеспечившие американским войскам решительный перевес в военной мощи. Основой этой мощи являются боевые системы поддержки нового поколения – разведывательные датчики, системы подавления средств обороны и подсистемы точного наведения – послужившие фактором повышения боеспособности войск, Эффективность американских систем оружия возросла именно благодаря этому».¹⁰

⁴ Elinor Sloan, *Military Transformation: Key Aspects and Canadian Approaches* (Calgary: CDFAI, 2007), p. 2

⁵ Keith L. Shimko, *The Iraq Wars and America's Military Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), p. 6.

⁶ Frederick W. Kagan, *Finding the Target: The Transformation of American Military Policy* (New York: Encounters Books, 2006) pp.xi-xix; Jeremy Black, *War and Technology* (Bloomington: Indiana University Press, 2013) p.228.

⁷ Dima P. Adamsky, "Through the looking glass: the Soviet military-technical revolution and the American Revolution in Military Affairs," *The Journal of Strategic Studies*, 31:2 (2008), p. 258.

Max Boot, *War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History 1500 to Today* (New York: Gotham Books, 2006), p. 8.

⁸ Max Boot, *War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History 1500 to Today* (New York: Gotham Books, 2006), p. 8.

⁹ Max Boot, *War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History 1500 to Today*, pp. 7-8; Shimko 2010:3.

¹⁰ William J. Perry, "Desert Storm and Deterrence," *Foreign Affairs*, 70:4 (Fall, 1991), p. 66.

Было также подмечено, что результаты высокотехнологичных военных действий во время войны в Персидском заливе внушили общественности и политикам западных стран мысль о том, что теперь войну можно выиграть без малейших потерь в живой силе своих войск.¹¹ Кроме того, война в Персидском заливе полностью перевернула представления о способах ведения боевых действий в среде специалистов по военному планированию. Роль спутников, высокоточного управляемого оружия и авиации в военном планировании продолжала возрастать по мере того, как в эпоху после окончания холодной войны стали сокращаться ассигнования на оборону и повышались оперативные требования к ведению борьбы с крупнейшими угрозами безопасности - в Сомали, на Балканах и в других регионах мира. Сочетание этих факторов побудило планирующие органы при определении конфигурации сил и средств исходить из инновационного подхода.¹²

Под влиянием происходивших в конце 1980-х и начале 1990-х годов перемен аналитики Пентагона Эндрю Маршалл и Эндрю Крепиневич, в обязанность которых входило отслеживать советские публикации на тему ВТР, пришли к заключению, что военный мир вступил в эпоху «революции в военном деле».¹³ В отличие от авторов концепции ВТР, они рассматривали РВД как явление, выходящее за рамки сугубо технологической сферы. По их мнению, это понятие включает в себя не только достижения в области техники, но и изменения доктринального свойства, причем последние находятся под влиянием первых.¹⁴ Посему в Пентагоне определяют РВД как «крупнейшее изменение природы вооруженной борьбы, вызванное новаторским применением новых технологий, что, в сочетании с кардинальными переменами в военной доктрине, а также в оперативных и организационных концепциях, фундаментальным образом изменяет характер и способы ведения боевых действий».¹⁵

С тех пор многочисленные ученые продолжают развивать концепцию РВД и спорят о ее применении на практике. Эндрю Рихтер считает, что сейчас РВД характеризуется «способностью собирать, анализировать и распространять информацию, а также действовать на основании информации», что позволяет военным собирать, обрабатывать и обобщать данные в режиме реального времени.¹⁶ Результаты скоростной обработки передаются в соответствующие военные части, которые действуют «быстро, точно, крайне эффективно и на большом расстоянии».¹⁷

¹¹ Michael Ignatieff, *Virtual War: Kosovo and Beyond* (Toronto: Penguin, 2006), p. 160.

¹² James R. Fitzsimonds and Jan M. Van Tol, "Revolution in Military Affairs," *Joint Force Quarterly* 4 (1994), pp. 26-27; see also Lawrence Freedman, "The revolution in strategic affairs," *Adelphi Paper* 318, (London & New York: Oxford University Press, 1998), p. 5.

¹³ См. обзор на эту тему: Andrew Krepinevich & Barry Watts, "The last warrior: Andrew Marshall and the shaping of American defense strategy" (New York, Basic Civitas Books:2014), в особенности Главу 8.

¹⁴ Shimko, *The Iraq Wars and America's Military Revolution*, p. 6.

¹⁵ Цитируется по: Sean M. Maloney and Scot Robertson, "The revolution in military affairs: possible implications for Canada," *International Journal* 54 (1999), p. 445; см. также: Elinor Sloan, *Modern Military Strategy: An Introduction* (London: Routledge, 2015), p. 51.

¹⁶ Andrew Richter, "Lessons From the Revolution: What Recent US Military Operations Reveal About the Revolution in Military Affairs and Future Combat," *Journal of Military and Strategic Studies*, 7:3 (2005), p. 2

Элино́р Слоэ́н в менее решительной форме утверждает, что РВД включает пять аспектов. Первый: структура войск определяется задачей превращения их в более подвижные и боеготовые экспедиционные силы. Второй: обеспечение «мобильности на поле боя» (т.е. придание войскам десантных вертолетов средней и высокой грузоподъемности и легких танков). Третий: военные доктрины, ориентированные на применение ВВС и высокоточного оружия силами, находящимися вне зоны поражения огневыми средствами противника. Четвертый: «взаимосвязанность», т.е. комплексное использование и сопряжение всех трех видов вооруженных сил (армии, флота и военно-воздушных сил) для достижения военных целей. И пятый: переориентация флота с действий в открытом море - на оказание поддержки боевым операциям сухопутных и военно-воздушных сил из прибрежных акваторий.¹⁸

В отличие от вышеупомянутых авторов, Лоренс Фридман оспаривает мнение о том, что в военном деле действительно происходит революция. Если она где-то и происходит, то только в стратегической области. На его взгляд, научно-технический прогресс всего лишь способствовал достижению западными государствами политических целей более разнообразными стратегическими способами.¹⁹ Тем не менее, он соглашается с Рихтером в том, что РВД (или РСД) зависит «от взаимодействия между системами, которые занимаются сбором, обработкой и обобщением информации, и доводят её до тех, кто применяет военную силу».²⁰ Такая «система систем» (термин, предложенный в 1990-х годах адмиралом флота США Уильямом Оуэнсом) якобы дает органам военного планирования возможность в условиях войны контролировать многомерную перспективу, или «боевое пространство». Утверждается, что такой контроль поможет устранить пресловутый «туман войны», о котором в своем трактате «О войне» писал прусский военный теоретик Карл фон Клаузевиц (в этой связи Майкл О'Ханлон называет сторонников РВД «антиклаузевицианцами».²¹

¹⁷ Andrew Richter, *The Revolution in Military Affairs and Its Impact on Canada: The Challenge and the Consequences* (Vancouver: UBC Press, 1999), p. 2.

¹⁸ Sloan, *Military Transformation: Key Aspects and Canadian Approaches*, pp. 1-2; см. также: Maloney and Robertson, "The revolution in military affairs: possible implications for Canada," p. 444.

¹⁹ Freedman, "The revolution in strategic affairs"

²⁰ Richter, *The Revolution in Military Affairs and Its Impact on Canada: The Challenge and the Consequences*, pp. 10-11.

²¹ Richter, "Lessons From the Revolution: What Recent US Military Operations Reveal About the Revolution in Military Affairs and Future Combat," p. 3. Придуманым Карлом фон Клаузевицем термином «туман войны» обозначается неопределённость относительно положения своих войск, сил противника и развития обстановки на поле боя.

РВД подвергается критическому анализу

На 1990-е – начало 2000-х годов пришелся пик обсуждений проблемы РВД. Этот период ознаменовался проведением многочисленных военных операций, результаты которых побудили исследователей взглянуть на концепцию РВД более критически. Ряд аналитиков заявили об ошибочности использования войны в Персидском заливе в качестве хрестоматийного примера при разборе особенностей РВД. Дэрил Пресс утверждает, что, приписывая технике решающую роль в победе союзных сил в 1991 году, мы вводим себя в заблуждение, поскольку уровень боеготовности сухопутных сил США, Великобритании и Франции, составлявших костяк коалиции, был настолько высок, что фактически преимущество в технике становилось ненужным. Это проявилось с особой наглядностью во время сражения в районе нефтяного месторождения аль-Буркан, когда под прикрытием дыма от горящей нефти и утреннего тумана (в буквальном смысле «тумана войны») две бригады иракской армии неожиданно контратаковали позиции американских морских пехотинцев. Благодаря высокой боевой выучке, легковооруженные морпехи отразили атаку танков еще до того, как дым рассеялся, и появилась возможность запросить поддержку артиллерии и авиации. Не потеряв ни одного из своих товарищей, морские пехотинцы подбили минимум 100 иракских бронемашин. Короче говоря, своим успехом союзные силы в гораздо большей степени обязаны «плохой стрелковой подготовке, низкой скорости стрельбы и слабому огневому взаимодействию» иракцев, чем их технической отсталости.²²

Томас Манкен и Барри Уоттс сходным образом опровергают тезис о войне в Персидском заливе как воплощении РВД, замечая, что отказ иракских войск от тактики нанесения потерь противнику с укрепленных позиций ввиду подавляющего превосходства союзной авиации, по существу, означал, что иракцы стали воевать на условиях западной коалиции. В этом смысле, утверждают они, война в Заливе вряд ли была такой уж прорывной и революционной; РВД является симбиозом «техники, оперативных концепций, доктринальных и организационных изменений», а война в Заливе таким симбиозом не стала.²³ Стивен Бидль считает, что восторг, который война в Заливе внушает сторонникам РВД, во многом продиктован фактом чрезвычайно малых потерь коалиционных сил, каковые на несколько порядков ниже цифр, приводившихся в предвоенных прогнозах. Подобные искажения укрепляли веру в то, что техническая оснащенность и мощь вооруженных сил США представляют собой нечто поистине революционное, тогда как, в сущности, ими был достигнут всего-навсего односторонний выигрыш, сходный с победой Израиля в «шестидневной войне».²⁴

Как уже отмечалось выше, многие усовершенствованные средства поражения, применявшиеся в ходе конфликта 1991 года, восходят к временам войны во Вьетнаме: управляемые высокоточные бомбы были впервые использованы в авианалетах 1972 года (операция «Лайнбэкер»), а первое использование самолетов, построенных

²² Daryl G. Press, "Lessons from Ground Combat in the Gulf: The Impact of Training and Technology," *International Security*, 22:2 (1997) pp. 138-143.

²³ Thomas G. Manken and Barry D. Watts, "What the Gulf War Can (and Cannot) Tell Us about the Future of Warfare," *International Security* 22:2 (1997) pp. 159-161.

²⁴ Stephen Biddle, "The Gulf War Debate Redux: Why Skill and Technology Are the Right Answer," *International Security*, 22:2 (1997) p. 164.

с использованием технологии «стелс» (Y0-3A), относится к началу 1970-х годов. Говорят, что РВД представляет собой скорее эволюционное, чем революционное развитие техники и военной доктрины на протяжении двух предыдущих десятилетий.²⁵

Критики нападали на американоцентризм РВД. Мартин ван Кревелд, например, связывает начало РВД в эпоху после окончания холодной войны с желанием американских политико-военных элит преодолеть «вьетнамский синдром и победить в короткой и решающей обычной войне, ведущейся на условиях Пентагона».²⁶ В то же время Джереми Блэк считает, что разработка концепции РВД в 1990-х годах явилась прямым следствием возобладавшей в США установки на односторонние действия в качестве единственной сверхдержавы. По его словам, «феномен РВД указывал на бытование ряда культурных и политических гипотез, которые скорее изобличают устремления, господствовавшие в 1990-х годах и в начале 2000-х годов, чем наличие некой объективной оценки военного потенциала». Короче говоря, в РВД отражается вера американцев во всемогущество техники и в возможность «преодоления упадка».²⁷ Не одобряют РВД и по причине внутренне присущей ее сторонникам «антиклаузевицианской» убежденности в том, что техника способна справиться с «туманом войны» и «неопределенностью обстановки» на поле боя. Элиот Коэн едко замечает в этой связи, что выразителями мнения о том, что «туман войны» можно и разогнать, часто выступают представители высокотехнологичных видов вооруженных сил вроде ВВС и ВМФ. А представители сухопутных сил, напротив, часто задаются вопросом о том, каким образом техника или военная доктрина способны подсказать им, «когда противник попытается укрыть свои войска или нанесет удар по информационным системам, ведущим за ними слежку».²⁸ Поэтому Коэн рассматривает РВД скорее как упование, нежели реальность, как нечто, «основанное на неспособности других стран систематически утаивать от США информацию, необходимую для американских систем вооружений».²⁹ Уильямсон Муррей утверждает, что «фундаментальной природы войны» не отменить ни новыми средствами, ни новыми концепциями: «На полях будущих сражений, как и прежде, будут царить несогласованность действий, неясность обстановки, неопределенность, случайность и неуверенность».³⁰ Имеется бесчисленное множество ярких примеров того, как перед «туманом войны» оказались бессильны и спутники GPS, и высокоточное оружие, и коммуникационные сети «системы систем». Так, спецназ союзных войск оказался не в состоянии предотвратить угрозу запуска тактических баллистических ракет советского производства во время войны в Заливе.³¹ Ни одна система наблюдения не засекала начало контратаки иракской танковой бригады на 3-ю пехотную дивизию во время битвы за Багдад в 2003

²⁵ Jeremy Black, *War and Technology* (Bloomington: Indiana University Press, 2013) p. 235; John F. Guilmartin, Jr., "Technology and Strategy: What are the Limits?," in Michael Howard and John F. Guilmartin, Jr., *Two Historians in Technology and War* (Carlisle, PA: Strategic Studies Institute Monographs, 2004) pp. 16-19.

²⁶ Martin van Creveld, *The Age of Airpower* (New York: Public Affairs, 2011) p. 331.

²⁷ Black, *War and Technology*, pp. 232, 240.

²⁸ Cohen, "A Revolution in Warfare," pp. 40-41.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Williamson Murray, "Thinking About Revolutions in Military Affairs," *Joint Force Quarterly*, (Summer 1997), p. 76.

³¹ Guilmartin, Jr., "Technology and Strategy: What are the Limits?," p. 19.

году. Никто не ожидал, что на юге Ирака колонны техники коалиции подвергнутся нападению со стороны партизан-фидаинов Саддама, или что в 2002 году Аль-Каиде удастся скрыть местонахождение половины своих позиций и, по меньшей мере, 350 бойцов во время операции «Анаконда» в Афганистане. Исходя из этих примеров, Тим Бенбоу утверждает, что крупнейший недостаток концепций РВД состоит в том, что в них не учитываются политические и военные перемены, происходящие в сфере международной безопасности; вместо этого военные теоретики по-прежнему заиклены на технике и моделировании состава военных формирований для борьбы с обычными вооружёнными силами национальных государств.³² В этой связи Г.Р. Макмастер называет РВД «фантастической теорией», оторванной от военной действительности.³³

К началу 2000-х годов в оборонно-планирующих органах США РВД уже характеризовалась как «военное преобразование». При сохранении за концепцией РВД ее содержания (высокие технологии, скорость, точность, информационный контроль, меньшая численность сухопутных сил, и т.д.), авторы термина «военное преобразование» привнесли в нее ряд дополнительных параметров. Они приспособили ее к взглядам тех, кто десять лет спустя после войны в Персидском заливе уже склонен рассматривать это явление не как (свершившуюся) революцию в военном деле, а скорее как продолжающуюся попытку разработать новые технологии, доктрины и структуры.

Автором сего терминологического сдвига (при полном отсутствии различий между понятиями «РВД» и «военное преобразование») выступил тогдашний министр обороны США Дональд Рамсфельд. В 2002 году он опубликовал в журнале *Foreign Affairs* статью, где говорилось, что «преобразование» подразумевает использование управляемого высокоточного оружия, сил специального назначения, систем разведки и космических аппаратов, а также обеспечение взаимосвязанности в применении военной силы.³⁴ Однако это не устранило подмеченных критикой противоречий РВД. Да и «преобразование» страдало теми же недостатками, что и РВД, так как создатели концепции продолжали утверждать, что в войнах будущего «можно побеждать быстро, эффективно, при малых затратах и меньшими силами».³⁵

Тем не менее, с началом в 2003 году иракского восстания стало очевидно, что высокоподвижная, мощнейшая техника, созданная в рамках концепции РВД, не только не годится для ведения противоповстанческих действий, но в иных случаях является просто помехой. В 2004 году в боях за иракский город Фаллуджу возглавляемые США коалиционные силы применили в карательных целях авиацию, артиллерию и танки. Однако своими действиями они только обозлили гражданское население и способствовали пополнению рядов повстанцев. Израиль столкнулся со схожей ситуацией в 2006 году в Ливане: использование авиации и артиллерии против засевших среди мирных граждан боевиков Хезболлы привело лишь к ненужным жертвам среди гражданского населения и к поражению Израиля в международной пропагандистской

³² McMaster, "On War: Lessons to be Learned," *Survival*, 50:1 (2008) pp.22-23

³³ Tim Benbow "Talking 'Bout Our Generation? Assessing the Concept of 'Fourth-Generation Warfare', *Comparative Strategy*, 27:2 (2008) pp. 148-149.

³⁴ McMaster, "On War," p. 19

³⁵ Donald Rumsfeld, "Transforming the military," *Foreign Affairs*, 81:3 (2002) pp. 21 & 25.

кампании. Хваленая РВД с ее операциями деморализующего воздействия (effects-based operations), организацией системы систем и установкой на достижение превосходства на поле боя демонстрировала все большее бессилие перед лицом нетрадиционных конфликтов, в которых приходилось участвовать вооруженным силам Запада. В результате концепция стала утрачивать популярность сначала в США, а затем и среди союзников, и к середине 2000-х годов о ней уже мало кто вспоминал как в ученых, так и в военных кругах.

Оглядываясь на РВД

В последнее десятилетие понятие «революция в военном деле» по большей части исчезло как из ученых и политических дебатов, так и из соответствующей литературы. Теперь это уже далеко не та «богатая» идея, какой она была на пике своей популярности сразу после войны в Персидском заливе и на протяжении 1990-х годов.

По крайней мере, частично это можно объяснить опытом военных конфликтов, большинство которых характеризовалось применением нетрадиционной и асимметричной тактики боевых действий и совсем не напоминало высокотехнологичные традиционные сражения, которые рисовались творцам РВД, сражения, нашедшие-таки свое воплощение в операции «Буря в пустыне». Впрочем, концепция РВД – в особенности ее главные положения и основные движущие силы – продолжает воздействовать на руководителей многих государств при осмыслении ими вопросов военной стратегии и военной доктрины. А многие из этих лиц и по сию пору сражаются с последствиями своих или чужих решений о внедрении РВД.

Наверное, самое главное, что нужно иметь в виду в связи с РВД, это то, что эта идея не принадлежит всецело и исключительно американцам. Предтечу РВД можно найти в СССР, где она и возникла еще в 1970-х годах в виде теории «военно-технической революции».³⁶ Америка – не единственная страна, имеющая опыт практического осуществления РВД, так как влияние и результаты соответствующей деятельности естественным образом распространились по всему миру и были восприняты множеством других акторов. Более того, хотя РВД и представляется адекватной колоссальной мощи и высокому техническому уровню вооруженных сил Америки, ее опыт имел большое значение и для других мировых игроков, включая союзников США, их конкурентов, так называемые восходящие державы, а также государства и негосударственные образования, коих можно отнести к категории противников. Тем не менее, ее воздействие оказалось неодинаковым по своим последствиям.

³⁶ *IMcMaster, "On War: Lessons to be Learned," p. 21.*

Несмотря на продолжающийся уже целое десятилетие нетрадиционный конфликт на Ближнем Востоке, вопросы РВД – особенно применение высокотехнологичного оружия – остаются центральным пунктом военного планирования в США. Важнейшие союзники США – Соединенное Королевство³⁷, Канада³⁸ и Австралия³⁹ – пытались внедрить соответствующую технику и доктрину, чтобы хотя бы частично обеспечить непрерывную оперативную совместимость с американскими войсками. Многие из этих акторов до сих пор вынуждены справляться с последствиями этих решений. Россия, для которой, по мнению ее руководства, модернизация обычных вооруженных сил США и НАТО представляет потенциальную угрозу, сосредоточилась на поддержании отношений ядерного равновесия с Западом (главным образом, посредством ядерного сдерживания). Параллельно она разрабатывала новые стратегии, в частности, концепцию «гибридной войны» – на случай конфликтов и волнений в странах, с которыми у нее имеются протяженные сухопутные границы.⁴⁰ Израиль, столкнувшись за последние два десятилетия с различными нетрадиционными противниками и угрозами, колеблется в выборе между разными концепциями РВД, пытаясь понять, чем они обернутся для него в будущем.⁴¹ Индия, учитывая потребности собственной безопасности и необходимость поддержания хрупкого баланса ядерных сил с Пакистаном,⁴² сознательно избрала иной путь. Кроме того, следует предположить и то, что применение нетрадиционной и партизанской тактики негосударственными акторами и прочими нелегитимными игроками, отчасти продиктовано представлениями о превосходстве основанной на РВД западной концепции ведения войны обычными видами оружия. Все эти акторы по-разному отреагировали на динамику РВД, по-разному ее поняли и усвоили ее уроки. На то у них были разные причины, которые привели к разным последствиям и, соответственно, оказали разное влияние на выработку военной политики.

Вторым главным вопросом является следующий: надо ли считать события конца 1980-х – начала 1990-х годов в области разработки военной стратегии «революцией» или чем-то менее преобразующим и перманентным. Ведь под «революцией» подразумевается некая фундаментальная и, возможно, необратимая перемена, преобразовавшая природу какого-то явления (в данном случае – военного искусства). Хотя совершенствование высокоточного оружия, систем управления боем и применение огромного количества достижений в сфере информационных технологий действи-

³⁷ См.: Dima P. Adamsky, «Through the looking glass: the Soviet military-technical revolution and the American Revolution in Military Affairs», *The Journal of Strategic Studies*, 31:2 (2008) pp. 257-294.

³⁸ Andrew Dorman, «A peculiarly British revolution: missing the point or just avoiding change», глава в книге Jeffrey Collins & Andrew Futter (eds.), «Reassessing the Revolution in Military Affairs: transformation, evolution and lessons learnt», (New York, Palgrave MacMillan: 2015).

³⁹ Jeffrey Collins, «The perpetual search for efficiency: the Canadian approach to the RMA and military transformation», глава в книге Collins & Futter (eds.), «Reassessing the Revolution in Military Affairs.»

⁴⁰ Rachel Bryson, «The interruption and evolution of Australia's RMA», глава в книге Collins & Futter (eds.), «Reassessing the Revolution in Military Affairs.»

⁴¹ Andrey Sushentsov, «The Russian response to the RMA: military strategy towards modern security threats», глава в книге Collins & Futter (eds.), «Reassessing the Revolution in Military Affairs.»

⁴² Raphael Marcus, «The Israeli Revolution in Military Affairs and the road to the 2006 Lebanon War», глава в книге Collins & Futter (eds.), «Reassessing the Revolution in Military Affairs.»

тельно изменили отношение государств к войне и к способам ее ведения, эти события, пожалуй, следовало бы охарактеризовать как эволюцию или изменение контекста войны, а не как революцию в военном деле как таковом. Точно также в эпоху после холодной войны и в особенности - после терактов 11 сентября 2001 года, изменения в военной доктрине и тактике, а также новоявленные концепции «взаимосвязанности», сетцентрических операций (network-centric warfare) и операций деморализующего воздействия, которые сопутствовали техническому прогрессу, старались приспособить к новым реалиям.

Результат был таков: хотя военная мысль и впрямь двинулась вперед, оказалось не так-то просто соотнести ее с военными потребностями и опытом реального мира. Как таковые, последние два десятилетия были не столько эпохой революций, сколько периодом текучки: военные пытались сбалансировать «предложение» в виде спектра новых возможностей и «спрос» - в виде новоявленных и меняющихся потребностей. При этом, несмотря на исчезновение со страниц популярной научной и политической литературы идей и направления мысли, воплотившихся в РВД, они по-прежнему господствуют в современном военном мышлении.

Вполне возможно, что главная причина того, что концепция РВД возобладала в 1990-е годы и потускнела в последнее время, заключается в значимости внутри-политических факторов. В особенности это касается влияния, которое оказывают на формирование стратегии незаурядные личности. Мышление в духе РВД по-прежнему соотносится с идеализированным понятием «западного способа ведения войны» - максимальным использованием высоких технологий при минимальных потерях среди гражданского населения и личного состава ВС.

В этом смысле - во всяком случае, для США - РВД означает невовлеченность в войну на истощение по вьетнамской модели и использование сравнительного превосходства США в военной технике и технологиях. Так, президент Джордж Буш-младший подытожил результаты войны в Персидском заливе 1991 года следующим образом: «Ей богу, мы раз и навсегда покончили с вьетнамским синдромом».⁴⁵

Давление такого рода факторов оказалось весьма чувствительным и для союзников США, в частности, для Соединенного Королевства, Канады, Австралии и Израиля, которые, стремясь к увеличению эффективности использования техники в военных действиях, одновременно были вынуждены следить за поддержанием оперативной совместимости с армией США. Но так, чтобы не раздражать избирателей у себя дома.

Второй важный фактор - это та степень, в которой на военную стратегию в каждой стране влияют внутренние переменные величины и личности. Во всех странах, затронутых РВД, имеется ключевая фигура, чье имя накрепко связано с данной концепцией. В СССР, где она зародилась, это маршал Николай Огарков. В США - это Эндрю Маршалл, Эндрю Крепневич и Управление общих оценок Пентагона.⁴⁴ В Со-

⁴⁴ George Bush, "Remarks to the legislative exchange council," (1 March 1991), <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=19351>

единенном Королевстве – сэр Найджел Багнолл, в Канаде – генерал Рик Хиллер, в Израиле – бригадный генерал Шломо Бром. В 1990-е годы эти и другие деятели сыграли главную роль в разработке национальной стратегии, а их наследие и влияние остаются ключевыми составляющими военного мышления в упомянутых странах. Внутренняя политика и бюрократические игры, в особенности бюджетные ограничения и соперничество между руководством видов вооруженных сил, влияли на восприятие государствами идеи РВД и усвоение ими соответствующего образа мышления, как минимум, не в меньшей степени, чем любые внешние факторы или типы войн, в которых им предстояло участвовать. Как мудро заметил Элиот Коэн по поводу израильских дебатов на тему РВД, «противник не слишком вдавался в смысл дебатов о РВД и это, наверное, была самая большая его ошибка».⁴⁵ Имеющиеся свидетельства говорят о том, что это справедливо и в отношении других игроков. По-видимому, идеализированные представления о способах ведения войны вытеснили из их сознания реальности того типа войны, в которую они могли быть вовлечены, и понимание того, с чем войска столкнутся на поле боя и что им в действительности нужно.

Размышления и прогнозы

Хотя из канона современного военного мышления концепция РВД, в основном, исчезла, было бы ошибочным полагать, что исчезли и ее главные идеи и положения. На деле многие события в военной области вступают в перекличку с идеями начала 1990-х годов. Появление «киберсредств» и новых методов информационной войны – в особенности китайской разработки, известной как «прекращение доступа/блокирование зоны» (A2AD), и стратегий «информатизации» – явно навеяно концепциями типа РВД и может быть непосредственной реакцией на предполагаемый результат дальнейшей разработки американской военной доктрины образца 1991 года. В том же русле находятся и непрерывные усилия по насыщению поля боя цифровыми технологиями,⁴⁶ а также развитие и универсализация технологии производства БЛА и одновременная разработка теории «дистанционного управления войной».⁴⁷ Это относится и к тому, что происходит на стратегическом уровне. Там продолжается совершенствование систем противовоздушной и противоракетной обороны, появляются все более эффективные баллистические и крылатые ракеты, рассчитанные на нанесение

⁴⁵ См.: Andrew F. Krepinevich & Barry D. Watts, *The last warrior: Andrew Marshall and the shaping of modern American defense strategy*, (New York, Basic Civitas Books: 2014) chapter 8.

⁴⁶ Eliot Cohen, *Change and transformation in military affairs*, *Journal of Strategic Studies*, 27:3 (September, 2004) p. 402.

⁴⁷ Michael S. Chase, Jeffrey Engstrom, Tai Ming Cheung, Kirsten A. Gunness, Scott Warren Harold, Susan Puska & Samuel K. Berkowitz, *China's incomplete military transformation: assessing the weakness of the People's Liberation Army (PLA)*, (Santa Monica, RAND: 2015).

глобальных ударов обычными боеприпасами, ведется модернизация систем управления боем, систем оперативного командования и управления, предпринимаются шаги по установлению контроля над космическим пространством. И вряд ли стремление все в большей мере полагаться на применение высоких технологий - как для достижения военных целей, так и для обеспечения безопасности - пойдет на убыль.

Планирование будущих военных операций – исключительно сложная задача. Естественно, что стратеги постараются застраховаться от потерь и продумать все до мелочей. Важно в этом смысле не принимать военный опыт последних двух десятилетий в качестве образца на будущее. Может быть, и банально обвинять военных в том, что они готовятся к сражениям и делают выводы из опыта «прошлой войны», но у нас нет причин думать, что возможный возврат к традиционной межгосударственной геополитической конкуренции будет одновременно означать и возврат к традиционным симметричным типам конфликтов. В этом смысле было бы глупо полагать, что, если последние два десятилетия характеризовались, прежде всего, партизанскими и нетрадиционными методами ведения войн, то война останется такой же и на более отдаленную перспективу. Учитывая непредсказуемость нынешней обстановки во всем мире, не исключено, что когда-нибудь мы еще станем свидетелями прежней популярности технологий и мышления в духе РВД.

Сегодня перед военными на Западе стоит двойной вызов. Сложившаяся под влиянием РВД структура вооруженных сил подверглась некоторым изменениям после почти десятилетия проведения антиповстанческих и стабилизационных операций в Ираке, Афганистане, Ливане, секторе Газа и Мали. В сухопутных силах, например, увеличилась численность личного состава, расширились закупки специализированной техники вроде бронетранспортеров, устойчивых к разрывам самодельных взрывных устройств. В то же время во многих государствах, в частности, в США, России и Китае, идет создание современных высокотехнологичных обычных сил и вспомогательных структур в соответствии с разработками 1990-х годов. Перед лицом нестабильности финансовой ситуации в мире и все еще ощутимых последствий кризиса 2008-2009 годов правительства западных стран относятся крайне чувствительно к любым дополнительным нагрузкам на бюджет. Самыми большими препятствиями для военных на Западе стали бюджетные ограничения, секвестры и финансовая оптимизация. Однако, как это ни парадоксально, необходимость участия в чреватых потерями миссиях по стабилизации будет означать, что в обозримом будущем угрозы международной безопасности будут устраняться с помощью авиации, высокоточных управляемых ракет, спецназа, и средств кибервойны.

На фоне нынешней гражданской войны в Сирии и появления ИГИЛ на Ближнем Востоке отчетливо проступают как сильные стороны, так и недостатки высокотехно-

⁴⁸ См.: Kelley Saylor, «A world of proliferated drones: a technology primer», (Center for a New American Security: June 2015), http://www.cnas.org/sites/default/files/publications-pdf/CNAS%20World%20of%20Drones_052115.pdf

⁴⁹ Eric Schmitt & Helene Cooper, «ISIS fighters seized advantage in Iraq attack by striking during sandstorm», *New York Times*, (19 May 2015) p. A10; Eric Schmitt, «U.S. caution in strikes gives ISIS an edge, many Iraqis say», *New York Times* (27 May 2015), p. A4.

логичного подхода к ведению войн. Использование авиации, высокоточных управляемых боеприпасов и электронное слежение с передачей информации в реальном времени позволили коалиции под руководством США сковать передвижение сил ИГИЛ и во взаимодействии с местными сухопутными силами освободить прежде занимаемые этой организацией территории. Однако естественным следствием применения этой тактики стало то, что ИГИЛ приспосабливается к действиям превосходящего в техническом отношении противника, сократив передвижения в дневное время и научившись размещать пункты управления войсками в городских массивах (Ракка). Боевики даже стали нападать на города (например, Рамади) под прикрытием песчаных бурь, которые лишают коалицию возможности в полную силу задействовать авиацию и получать разведданные со спутников.⁴⁸

Несмотря на рекламную шумиху вокруг «революционного» воздействия новых технологий, нам так и не удалось избежать подчинения внутренней логике войны, о которой еще 200 лет тому назад писал Карл фон Клаузевиц. Но это вовсе не означает, что не произошло никаких изменений. Изменения, конечно, были. Только вот не стоит, пожалуй, присваивать изменениям, случившимся на протяжении последних двадцати лет, громкого имени «революция». И вот почему. Концепция РВД обращена внутрь себя и этноцентрична. В сущности, она основана на идеализированном представлении о том типе войны, которую хотели бы вести военные, и мало принимает в расчет особенности противника и его возможный ответ. В этом смысле война в Персидском заливе 1991 года стала исключением, которое только подтверждает правило. Как свидетельствует опыт конфликтов в Африке, Афганистане, Ираке, на Кавказе, в Ливане, Ливии, Украине, Сирии и других местах, противник везде приспосабливался к главным особенностям мышления в духе РВД и стремился оказать сопротивление. Наличие всепобеждающего желания свести к минимуму потери, использовать высокотехнологичные системы и оружие и вести войну по идеализированному «западному образцу» означает, что центральные положения концепции РВД никогда не подвергнутся забвению. В результате мы, по существу, вернулись к начальной стадии размышлений о военной стратегии, что, может быть, не так уж и плохо в ситуации, когда военные теоретики уже приступили к осмыслению потребностей и условий конфликтов туманного будущего.⁴⁹

#Valdaiclub

 Valdai Club

 Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ